

Научная статья

УДК 811.161.1; 81'367.335.2; 81'367.635; 81'37
DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-54-71

***Что ни слово, то золото:*
об одной конструкции интерпретирующего синтаксиса**

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Рассмотрена проиллюстрированная в заглавии синтаксическая модель, которая характеризуется в «Русской грамматике» как фразеологизированная реализация сложноподчиненного предложения нерасчлененной структуры с неориентированной анафорической местоименной связью. Модель имеет контаминированный характер, в силу чего однозначное отнесение ее к какому-либо из стандартных таксонов структурно-семантической классификации невозможно. Рассмотрена структура модели (ее ближайшее системное окружение, роль слов *что* и *то* и др.). Обоснована трактовка модели как экспрессивного средства интерпретирующего синтаксиса, развившегося на почве СПП, но оторвавшегося от нее и превратившегося фактически в модель простого предложения. Выявлены две разновидности модели: с операцией отождествления и с операцией установления соответствия. В первой разновидности элемент *то* имеет местоименный характер, в то время как во второй этот характер ослаблен и тот же элемент ближе к частице. Проанализирована семантика модели, в которой вы-

© Дымарский М. Я., 2025

делены элементы гиперболизации, метонимизации и метафоризации. Разновидности модели обладают безусловным интерпретационным потенциалом, который опирается на гиперболизацию, обеспечиваемую обобщенно-уступительной составляющей конструкции. В разновидности с операцией установления соответствия интерпретирующий потенциал конструкции усиливается возможным наличием метонимического переноса, во второй – возможным наличием метафоризации. В целом конструкция представляет собой одно из ярких фразеологизированных средств интерпретирующего синтаксиса.

Ключевые слова

русский язык, синтаксис, обобщенно-уступительная конструкция, отождествительная конструкция, контаминация, фразеологизированная синтаксическая модель, гиперболизация, метонимизация, метафоризация, интерпретирующий синтаксис

Для цитирования

Дымарский М. Я. *Что ни слово, то золото*: об одной конструкции интерпретирующего синтаксиса // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 54–71. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-54-71

Chto ni slovo, to zloto:

About one Construction of Interpretive Syntax

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
 St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
 St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

The article considers the syntactic model illustrated in the title, which is treated in the academy Russian Grammar as a phraseologized realization of a complex sentence of an unsplit structure with an unoriented anaphoric pronominal link. The model has a contaminated character, due to which its unambiguous assignment to any of the standard taxa of the structural-semantic classification of complex sentence is impossible. The structure of the model (its immediate systemic environment, the role of the words *chto* and *to*, etc.) is considered. The interpretation of the model as an expressive means of interpretive syntax, which developed on the basis of the complex sentence, but broke away from it and actually turned into a model of a simple sentence, is substantiated. Two varieties of the model are revealed: with the operation of identi-

fication and with the operation of establishing correspondence. In the first variety, the element *to* has a pronominal character, while in the second this character is weakened and the same element is closer to a particle. The semantics of the model is analyzed, in which the elements of hyperbolization, metonymization and metaphorization are distinguished. The varieties of the model have an unconditional interpretative potential, which is based on the hyperbolization provided by the generalized-concessive component of the construction. In the variety with the operation of establishing correspondence, the interpretative potential of the construction is enhanced by the possible presence of metonymic transfer, in the second – by the possible presence of metaphorization. In general, the construction is one of the bright phraseological means of interpretive syntax.

Keywords

Russian language, syntax, generalized-concessive construction, identification construction, contamination, phraseological syntactic model, hyperbolization, metonymization, metaphorization, interpretive syntax

For citation

Dymarsky M. Ya. *Chto ni slovo, to zoloto*: About one Construction of Interpretive Syntax. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 54–71. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-54-71

Введение

Любая синтаксическая конструкция обладает интерпретационным потенциалом, поскольку каждое высказывание содержит элемент интерпретации – или воспринимаемого органами чувств, или переживаемого говорящим, или возможного мира, осмысляемого им, и т. д. Однако по своему интерпретационному потенциалу синтаксические конструкции не равносильны. Большинство конструкций приобретает ощутимую интерпретирующую силу прежде всего благодаря использованию определенной лексики – в простейшем случае с явным оценочным компонентом. Например, фраза *Идет твой автобус* в оценочном и интерпретационном отношениях нейтральна (элемент интерпретации заключается лишь в верной или ошибочной идентификации приближающегося транспортного средства), а фраза *Вон тащится твоя колымага* резко контрастирует с ней. Роль синтаксической конструкции в создании интерпретационного компонента семантики высказывания в этом случае минимальна.

Существуют, тем не менее, конструкции, прямо предназначенные для интерпретации некоторого фрагмента реального или возможного мира. Более того, в выражении интерпретации состоит их главное назначение.

Такие конструкции можно называть элементами интерпретирующего синтаксиса. Одна из них – модель *Что ни слово – то находка!* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец), или *Что ни N^X_1 , то N^Y_1* . Ей и посвящена настоящая работа. Нас будут интересовать прежде всего те структурные и семантические особенности конструкции, которые обеспечивают ей значительный интерпретационный потенциал.

Материал составляют 419 примеров реализации этой модели, полученных путем обращения к Национальному корпусу русского языка по запросу *Что + ни* на расстоянии 1 от Слова 1 + *S & nom & sg* на расстоянии 1 от Слова 2 + *то* на расстоянии от 1 до 3 от Слова 3 + *S & nom & sg* на расстоянии 1 от Слова 4.

Хронологически примеры охватывают период с последней четверти XVIII до XXI в. При этом XVIII в. представлен единственным примером из частного письма:

(1) *Из Франкфурта ехал я по немецким княжествам: что ни шаг, то государство* (Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1777–1778)).

XIX в. представлен 110 примерами, ср.:

(2) *Какое разнообразие видов представляется вам с горы сей – и что ни вид, то картина!* (И. И. Лажечников. Походные записки русского офицера (1814));

(3) *Остается теперь картинная галерея: тут что ни комната, то шеф-девр, особенно в среднем отделении, посвященном Итальянской школе* (П. В. Анненков. Путевые записки (1842–1843));

(4) *Как ни мучительно трудно анализировать такие выражения, в которых что ни слово, то ошибка или ложь, что ни соединение подлежащего с сказуемым, то или тавтология или противоречие, что ни соединение предложения с другим, то или ошибка, или умышленный обман, но это необходимо сделать* [Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия (1880)].

Примеров XX в. в НКРЯ нашлось 217 (иллюстрации приводить избыточно, поскольку принципиальной новизны в них нет), наконец, остальные примеры (их 91) датируются текущим веком. Если грубо оценить употребительность модели в XXI в. путем простейшей экстраполяции, т. е. умножив 91 (за первую четверть века) на 4, то получим картину последовательного роста популярности конструкции: 110 – 217 – 364.

Конструкция экспрессивна, в ней ощущается явная разговорность, признаками которой служат гиперболизирующий характер семантики и свобода обращения с элементами синтаксического стандарта: как будет показано ниже, она совмещает признаки сразу нескольких базовых моделей сложноподчиненного предложения, не совпадая ни с одной из них. Преимущественные сферы функционирования модели, помимо разговорной речи, – публицистика и художественная речь.

1. Структура модели

1.1. Рассматриваемая модель и ее ближайшее окружение

Рассматриваемая модель описана в «Русской грамматике» (автор раздела И. Н. Кручинина) как принадлежащая к числу «предложений с фразеологически связанными значениями» среди «предложений с неориентированной анафорической связью частей» в составе сложноподчиненных предложений (СПП) нерасчлененной структуры «с местоименной связью частей» [РГ, 1980, с. 537–538]. Если бы И. Н. Кручинина пользовалась терминологией В. А. Белошапковой, модель была бы, очевидно, отнесена к классу местоименно-соотносительных предложений, поскольку это конструкции, «оформленные местоименной группой *что (ни) – то*» [Там же, с. 537]. Как видно из приведенного обозначения «местоименной группы», частица *ни* признаётся факультативной, хотя делается оговорка: «для современной нормы наличие этой частицы весьма характерно» [Там же]. Указано, что рассматриваемый тип организуется «местоименной группой», но при этом сообщается: «Главное предложение может (! – М. Д.) включать в свой состав соотносительные слова *то* и, реже, *так*». По-видимому, формулировку «может включать» следует понимать как указание на факультативность соотносительного слова, но тогда исходная характеристика модели не может быть признана безукоризненно точной. И. Н. Кручинина, по-видимому, исходила из того, что наряду с примерами типа (1)–(4) сравнительно широко встречаются и примеры с отсутствующими соотносительным словом и / или частицей *ни* (два следующих примера – из цитированного параграфа «Русской грамматики»):

(5) [Фамусов:] *А наши старички?? – Как их возьмет задор, Засудят об делах, **что слово – приговор*** (Гриб.) (= *что ни слово, то приговор*);

(6) *Что миг – свободней дышит грудь!* (А. Майков) (= *что ни миг, то свободней...*).

Представляется возможным утверждать, что реализации вида (5), (6) являются редуцированными, стандартный же вид модели – во всяком случае для современного русского языка – предполагает обязательное наличие обоих элементов, которые И. Н. Кручинина рассматривает как факультативные.

Замечание о возможности функционирования в рассматриваемой модели местоименного наречия *так* вместо *то* («может включать в свой состав соотносительные слова *то* и, реже, *так*») следует рассматривать как не вполне достоверное: в цитированном параграфе приводится единственный пример с *так*, который больше напоминает реализацию другой модели – предложения с обобщенно-уступительным придаточным:

(7) *Что ни приду, так и поссоримся* (Дост.).

Ср.:

(8) *Когда ни приду – обязательно (тут же, непременно...) поссоримся.*

Правда, перифраза (8) снимает соотнесенность *что (ни)* и *так*, лексически выражая передаваемый этой соотнесенностью семантический оттенок обязательности. Поэтому точнее, по-видимому, сказать так: в формировании высказывания (7) в большей степени участвует модель СПП с обобщенно-уступительным придаточным, и в значительно меньшей степени – рассматриваемая модель.

Примеры (6), (7) показывают, что существительное в И. п. в главной части СПП не является обязательным признаком модели, описанной И. Н. Кручиной, поэтому рассматриваемую нами модель ***Что ни N^X***, ***то N^Y*** следует трактовать как разновидность более широкой модели, представленной в «Русской грамматике». Внимание к этой особой разновидности в данном случае объясняется тем, что она, как мы надеемся показать, обладает наиболее сильным интерпретационным потенциалом. Разновидности с глагольной главной частью, подобные (6), (7), ближе к обобщенно-уступительным конструкциям. Это не значит, что они не обладают интерпретационным потенциалом, но он представляется не столь сильным.

1.2. Контаминированный характер модели

В структурном отношении модель ***Что ни N^X***, ***то N^Y*** представляет собой контаминацию двух типов сложноподчиненного предложения.

Комплекс *относительное местоимение + ни* (*что ни, где ни, кого ни...*) является стандартным средством присоединения обобщенного-уступительного придаточного к главной части:

(9) *Ну, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота, проговорил профессор, – что же это у вас, **чего нихватишься, ничего нет!*** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Элемент семантики обобщенной уступки присутствует и в рассматриваемой модели, что подтверждается допустимостью простейших перифраз:

(10) *Что ни комната, то шедевр = в какую комнату ни войдешь – в каждой шедевр;*

(11) *Что ни вид, то картина = какой вид ни возьми – каждый картина.*

Однако принципиальное отличие модели **Что ни N^x , то N^y** от предложений с обобщенно-уступительными придаточными заключается в отсутствии в главной части последних обязательной позиции для местоименного коррелята *то*. Можно заметить, что в (9) присутствует корреляция между местоимениями *чего* в придаточной части и *ничего* в главной; действительно, подобное соотношение встречается в обобщенно-уступительных конструкциях нередко – ср. также перифразы в (10), (11), – однако оно не является обязательным признаком конструкции. Ср. в примере (4), который в сокращенном виде выглядит так:

(4.1) *Как ни мучительно трудно анализировать такие выражения, ...но это необходимо сделать.*

Обязательное присутствие в главной части рассматриваемой модели указательного местоимения *то* и очевидная соотнесенность этого местоимения с местоимением *что* в придаточной части сближает модель с местоименно-соотносительными предложениями отождествительного типа (*Что посеешь, то и пожнешь*). Однако перед нами соотнесенность несколько иного рода, и обязательного для местоименно-соотносительных конструкций указанного типа тождества референции двух местоимений в рассматриваемой модели нет. Действительно, если в случае *Что посеешь, то и пожнешь* местоимения-существительные *что* и *то* указывают на один и тот же предмет (в широком грамматическом смысле) и имеет место тождество их референции, то в модели **Что ни N^x , то N^y** первое местоимение имеет не субстантивную природу: оно указывает не на пред-

мет, а на его признак. Это хорошо видно в перифразах (10), (11), где снятие элемента фразеологизации приводит к замене *что* на *какой*.

1.3. Слова *что* и *то* в структуре модели

Способность вопросительно-относительного местоимения *что* служить универсальным субститутутом многих других местоимений того же разряда хорошо известна: *Что* (= почему) *ты такой мрачный?* *Что это за* (= какая это) *книга?* (см., в частности, [Ардентов, 1973]). Ср. у Л. Н. Толстого: «— Мама! *что* пирожное будет? — закричала Наташа уже смело и капризно-весело, вперед уверенная, что выходка ее будет принята хорошо (Война и мир. Т. I, ч. I, гл. XVI)». Показательно, что это повторная реплика Наташи, первая же звучит так: «Мама! *какое* пирожное будет?». Многофункциональность *что* характерна для разговорной речи — именно ей и принадлежит, в первую очередь, рассматриваемая модель.

Относительно местоимения *то* в постпозитивной главной части можно заметить следующее. В рассматриваемой модели это именно местоимение, указательная функция которого несомненна. Но вместе с тем в этом слове угадываются черты древних частиц, о которых Р. Д. Кузнецова писала:

«При освещении истории собственно соотносительных слов (*т*-слов) важно различать лексемы, которые выполняют конструктивную роль в предложении, с одной стороны, и частицы и указательные местоимения, участвующие в конкретизации смысловых отношений в нем, с другой стороны. <...> Материалы памятников и имеющиеся исследования по истории сложноподчиненных предложений позволяют выделить два этапа в истории синтаксических показателей зависимости, связанных со структурой главной части.

I этап — наиболее древний, характеризующийся появлением частиц, которые представляют собой анафорические знаки подчинения. Такие средства связи, как *и*, *а*, *же* (реже — *но*, *да*), *ино*, *так*, *то*, являются показателями вывода, противопоставления и имеют значение ‘итак’, ‘следовательно’, ‘значит’, ‘однако’, т. е. отмечают заключающую часть высказывания. Данные построения возникали в живой речи для обозначения лексико-семантической (смысловой) связи между предложениями и широко представлены в фольклоре и в говорах» [Кузнецова, 1983, с. 51–52].

Черты этих древних частиц просвечивают в местоимении *то* в нашей модели потому, что модель явным образом предпочитает постпозицию главной части — как, впрочем, и большинство моделей СПП, использующих слово *то* для маркирования главной — и заключительной — части.

В зависимости от семантического соотношения субстантивных компонентов в придаточной и главной частях слово *то* или приближается к местоимению, или употребляется почти как частица. Ср. в уже приведенном примере:

(2.1) ...*что ни вид, то картина*:

‘каждый вид – картина’, *то* – местоимение, отсылающее к сущ. *вид* и заменяющее его в качестве подлежащего в главной части. Эта разновидность нашей модели ближе к СПП отождествительного типа. То же наблюдаем в (4):

(4.2) ...*что ни слово, то ошибка или ложь, что ни соединение подлежащего с сказуемым, то или тавтология или противоречие, что ни соединение предложения с другим, то или ошибка, или умышленный обман*:

‘каждое слово – ошибка или ложь’, ‘каждое соединение... – тавтология или противоречие’, ‘каждое соединение... – ошибка или обман’.

Однако в других случаях имеем иное положение дел:

(1.1) ...*что ни шаг, то государство*:

операции отождествления *‘каждый шаг – государство’ не подразумевается, слово *то* не может рассматриваться ни как полноценный местоименный субститут сущ. *шаг*, ни как полноценное подлежащее главной части. Здесь оно ближе, таким образом, к частице, а вместо операции отождествления имеет место операция установления соответствия: ‘на каждом шагу [новое] государство’;

(3.1) ...*что ни комната, то шедевр*:

аналогично (поскольку речь идет о картинной галерее, подразумевается не то, что каждая комната является шедевром, а то, что в каждой комнате обнаруживается живописный шедевр).

То в предложениях с операцией установления соответствия неотличимо от *то*, которое служит второй (факультативной) частью составных союзов *если... то, когда... то* и под. Но имеется и существенное различие. В составных союзах их первый (обязательный) компонент сам по себе является союзом (*если, когда*), а вопрос о частеречной принадлежности элемента *то* не ставится: он рассматривается как компонент составного союза и отдельной квалификации не подлежит. Между тем в нашем случае первый компонент (*что*) союзом не является (это дополнительно подчеркивается

наличием при нем частицы *ни*, для которой позиция при незначительном слове невозможна), составного союза нет (можно говорить, конечно, о комплексной скрепе, но и такая квалификация не превращает ее в союз), и вопрос о морфологической природе слова *то* осмыслен. Это именно тот случай, когда в *то* больше признаков частицы, чем местоимения: это, так сказать, недоместоимение. Невольно вспоминается мысль Т. М. Николаевой (2003) о «практически едином наборе простейших партикул», существующем «внутри славянского языкового континуума», и о «довольно единообразно работающем “порождающем конструкторе”, создающем из них комплексы» [Николаева, 2013, с. 162].

Дополнительные примеры предложений с операцией отождествления:

(12) *В ней что ни строка, то донос* (А. В. Никитенко. Дневник (1852));

(13) *Казалось бы, что тут и пить-то некому, а кабаков все больше и больше: под конец что ни дом, то кабак* (Г. И. Успенский. Народное гулянье во Всесвятском (1865));

(14) *...главный и неиссякаемый источник языка – язык самого народа, язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, старых рабочих, лесных объездчиков, бакенщиков, кустарей, сельских живописцев, ремесленников и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово, то золото* (К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)).

Дополнительные примеры предложений с операцией установления соответствия:

(15) *Огни зажигались в окнах, что ни огонек, то семья* (В. Тендряков. Не ко двору (1954));

(16) *Характер у элемента № 9 весьма агрессивный, история – напоминает детективный роман, где что ни страница, то отравление или убийство* (А. Опаловский. Фтор // Химия и жизнь, 1965);

(17) *Что ни страница, то ключ к разгадке...* (А. П. Чехов. Драма на охоте (1884)).

Конструкции двух отмеченных семантически типов в «Русской грамматике» объединены в понятие «предложения со значением тождества или нераздельности существования двух рядов ситуаций» и отделены от «предложений со значением временной обусловленности». Последние иллюстрируются примерами:

- (18) *Что ни день, то задача, одна труднее другой* (Чех.);
(19) *Что ни пятница, то бал* (Чех.) (РГ, 1980, с. 537).

Такая группировка представляется несколько искусственной, поскольку в случаях типа (18), (19) точно так же, как и в (15)–(17), устанавливается соответствие двух ситуаций. Поэтому будем считать, что в рассматриваемой нами модели целесообразно различать два подтипа: 1) с семантикой отождествления (далее *ЧтоНиТо^{отожд.}*) и 2) с семантикой установления соответствия (далее *ЧтоНиТо^{соотв.}*).

Таким образом, перед нами фразеологизированная модель, совмещающая черты двух типов СПП, но не принадлежащая ни к одному из них и включающая два подтипа: с семантикой отождествления и установления соответствия. Вместе с тем применение понятия сложноподчиненного предложения к этой модели вызывает некоторые сомнения.

1.4. Синтаксический статус модели

Статус СПП приписан модели, очевидно, на том основании, что в ней используются типичные для СПП средства связи: относительное местоимение в сочетании с частицей *ни*, а также указательное местоимение / частица *то* с явной анафорической функцией. Тем не менее, хотя каждое из этих средств является стандартным, нестандартно их сочетание в одном предложении. Регулярными являются или два местоимения (*что... то...*) в СПП отождествительного типа, или относительное местоимение с частицей *ни*, но без указательного местоимения или частицы *то* в главной части в обобщенно-уступительных СПП. Тот факт, что других моделей СПП, в которых наблюдалось бы подобное сочетание средств связи, не существует, был интерпретирован И. Н. Кручининой как факт фразеологизации. Действительно, элемент фразеологизации здесь есть: он заключается хотя бы в том, что местоимение *что*, как уже было показано, используется не в своем основном – субстантивном – значении, а в адъективном, и рациональное объяснение такого функционирования привести трудно.

Однако сомнения вызывает сама интерпретация высказываний, реализующих модель, как сложных. Понятно, что генетически модель восходит к СПП (и даже к двум типам СПП), но ее реализации не производят впечатления соединения двух предикаций. В самом деле, какая пропозиция стоит за компонентом *шаг / огонек / комната / слово* и т. д., даже если этот компонент вводится элементом *что ни* и сопровождается определенным интонационным оформлением? Сам по себе элемент *что ни* предикации

не формирует, это всего лишь средство подчинительной связи. Специальным интонационным оформлением обладают, как известно, уже компоненты коммуникативной структуры предложения, поэтому наличие этого оформления не является сигналом статуса предикативной единицы. Кстати, стандартом интонационного оформления компонента, вводимого комплексом *что ни*, является ярко выраженный восходящий акцент ИК-3 – показатель темы, а компонента, вводимого элементом *то*, – как нетрудно догадаться, ИК-1, т. е. рематический акцент. Этот факт ни опровергает, ни подтверждает развиваемую гипотезу, поскольку выраженным актуальным членением – причем простейшим, бинарным – может характеризоваться и сложное предложение (*Сдайшь экзамен хорошо – поедем на море*). Но он не закрывает возможности интерпретировать рассматриваемую структуру как простое предложение.

Возможен контраргумент, который сводится к утверждению о событийном прочтении имен типа *шаг / огонек / комната / слово* и т. д., – довольно популярный в современной лингвистике. Имя в событийном прочтении интерпретируется как свернутая пропозиция, с чем вполне можно согласиться. Однако наличие номинализованной пропозиции отнюдь не означает наличия предикативной единицы. Например, предложение *Он рассказал о поездке* содержит номинализованную пропозицию *поездка*, но это не делает предложение сложным, и даже авторы монографии, из которой заимствован этот пример и в которой инструмент событийной интерпретации имени используется не без увлеченности, характеризуют это предложение как простое [Стексова, Шмелева, 2022, с. 66–67].

Любая реализация рассматриваемой модели синонимична простому предложению – как было отмечено еще И. Н. Кручининой, или со словом *каждый*, или со словом с формантом *еже*–:

На каждом шагу – новое государство;

В каждой комнате – шедевр;

Каждое слово – золото;

Каждая строка – донос;

Каждую пятницу – бал;

Ежедневно новая загадка и т. д.

Собственно, функционально наша модель представляет собой всего лишь способ более экспрессивной реализации смыслов, вполне адекватно передаваемых только что приведенными фразами (в которых, кстати, и преувеличение очевидно).

Показательно, что в реальном функционировании модель встречается в чистом виде редко: она контекстуально зависима и часто оказывается в составе более развернутого построения. Типично, например, распространение конструкции субъектным детерминантом, как в строчке О. Э. Мандельштама *Что ни казнь у него, то малина*. Здесь у него – именно детерминант, который смещен из своей обязательной инициальной позиции и потому атонирован. Еще более показательно то, что конструкция *что ни казнь, то малина* сочинена с еще одним компонентом – номинативным предложением *и широкая грудь осетина*; детерминант является общим для обеих конструкций.

И. Н. Кручинина, отмечая возможность интерпозитивного положения части с относительным местоимением, приводит примеры, которые кажутся намного более естественным воспринимать как простые предложения (и даже не всегда полипропозитивные):

- (20) *К нему что минута народ идет* (Леск.);
- (21) *Твоя баба с солдаткой что ни день, то на барицину* (Л. Толст.);
- (22) *У разведчика что ни шаг, то урок* (Е. Мухина).

Примеры убеждают в том, что, с функционально-синтаксической точки зрения, компонент с *что ни* эквивалентен обычному распространителю простого предложения и не несет никакой предикации.

Вывод следующий: то, что невозможно в стандартном сложноподчиненном предложении, оказывается возможным в экспрессивном средстве интерпретирующего синтаксиса, развившемся на почве СПП, но оторвавшимся от нее и превратившемся фактически в модель простого предложения. При такой трактовке модели ее характеристика как фразеологизированной не только сохраняется, но и усиливается.

2. Семантика модели

Интерпретационный потенциал рассматриваемой модели обеспечивается двумя компонентами ее семантики: гиперболизирующим и метонимизирующим или метафоризирующим.

2.1. Гиперболизация

Комплекс *что ни*, оформляющий придаточную часть, создает обобщенно-уступительное значение ‘сколько бы раз ни наступала ситуация X, каждый раз имеет место ситуация Y’. В результате возникает семантика не просто регулярной, но безальтернативной повторяемости: новое госу-

дарство обнаруживается не просто на каком-нибудь (например, каждом втором или каждом третьем), а вообще на каждом шагу (1); не многие виды, а каждый вид представляет собой картину (2); не во многих, а в каждой комнате шедевр (3) и т. д. Синонимичность комплекса *что ни* местоимению *каждый* или словам с формантом *еже-* отмечена И. Н. Кручининой [РГ, 1980, с. 538].

Семантика обобщенной уступки создает благодатную почву для гиперболизации. Поэтому стандартные конструкции с обобщенно-уступительными придаточными могут содержать элемент гиперболизации, ср. (9), где вывод «чего ни хватишься – ничего нет» делается Воландом после выяснения всего двух вещей: нет ни бога, ни дьявола. Однако обычные обобщенно-уступительные конструкции могут адекватно отражать положение вещей и не содержать преувеличения:

(23) *Сколько раз ни предлагали Татьяне уйти в отпуск – она неизменно отказывалась.*

Рассматриваемая же модель представляет собой такую модификацию обобщенно-уступительной, которая как будто специально предназначена для гиперболизации. В самом деле, и новые государства в реальной Германии XVIII в. встречались не буквально на каждом шагу, и не каждый вид являет собой картину, и не в каждом зале обязательно шедевр, и не абсолютно каждое слово ошибка или ложь (4), и не совсем каждая строчка содержит донос (12), и уж точно не абсолютно каждое слово в речи «бывалых людей» – золото (14), не каждый огонек обязательно говорит о семье за окном (15) и т. д.

Гиперболизация, являющаяся регулярным признаком рассматриваемой модели, влечет и оценочность. В простейшем случае значение оценки определяется стандартной (общепринятой) коннотацией ситуации *Y*, отображаемой в главной части: наличие шедевра в каждом зале влечет за собой общую весьма положительную оценку дворца как средоточия высокого искусства, наличие доноса в каждой строке влечет резко отрицательную оценку рукописи или письма, а в конечном счете – автора. В не столь очевидных случаях оценочность возникает из вычитываемых из контекста авторских предпочтений: кабак в каждом доме – плохо (хотя в представлении некоторого другого человека это может оцениваться положительно), бал каждую пятницу – тоже плохо (с аналогичной оговоркой).

Именно оценочность, возникающая из гиперболизации, составляет базовый компонент интерпретации описываемого предложением положения

дел: посещение дворца, по П. В. Анненкову, – праздник встречи с высоким искусством; народное гулянье во Всесвятском, по Г. И. Успенскому, – пьяная вакханалия; речь «бывалых людей» у К. Г. Паустовского – неиссякаемый источник сокровищ, и т. д.

2.2. Метонимизация

Второй компонент, создающий интерпретационную силу модели, имеет место в ее разновидности **ЧтоНуТо**^{соотв.}.

Логическая операция установления соответствия, отражаемая высказываниями этой разновидности, происходит при явном замещении прямой номинации ситуации *X* именем ее компонента (или наоборот) или смежного понятия:

новая местность → *шаг* (необходимый для того, чтобы оказаться в новой местности);

новая картина → *комната* (в которой она висит);

окно (в котором горит огонь) → *огонек*;

эпизод, глава → *страница* (16, 17);

новые обстоятельства → *день* (в который они наступают) (18);

истечение недели → *пятница* (день, в который неделя истекает) (19).

Соответствия, которые устанавливаются при участии метонимического переноса, в результате оказываются в той или иной мере парадоксальными:

шаг – государство;

комната – шедевр;

огонек – семья;

страница – отравление или убийство / ключ к разгадке;

день – задача;

пятница – бал.

Достижение парадоксальности является, можно сказать, целью использования модели, поскольку описываемое положение дел тем самым интерпретируется как особенное, исключительное.

2.3. Метафоризация

В разновидности модели, устанавливающей (условное) тождество (**ЧтоНуТо**^{отожд.}), имеет место метафоризация:

вид – картина (2);

слово – ошибка, ложь (4);

слово – приговор (5);
строка – донос (12);
дом – кабак (13);
слово – золото (14).

Степень метафоричности, безусловно, различна: понятно, что в квалификации слова как ошибки или строки как доноса операция уподобления практически не просматривается; зато в характеристике слова как золота она очевидна. Важно то, что операция отождествления, обеспечиваемая строением конструкции, создает почву для метафоризации, и эта возможность часто используется. Ср. дополнительные примеры:

(24) *Что ни письмо к царю, то жалоба на злоупотребления или донос на великочиновных воров* (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций (1904)).

Здесь метафоризация нулевая (вставка сравнительного союза невозможна).

Зато в следующих примерах метафоризация налицо:

(25) *У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел* (Н. В. Гоголь. Ревизор (1836));

(26) *Что ни слово, то жало ядовитое, что ни взгляд, то нож острый* (А. П. Чехов. Дипломат (1884–1885));

(27) *Молча ухает звездная звонница, что ни лист, то свеча заре* (С. А. Есенин. «Хорошо под осеннюю свежесть...» (1918));

(28) *Что ни казнь у него, то малина* (О. Э. Мандельштам. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933));

(29) *А западная... тут что ни имя, то поручик Киже: арестант секретный, фигуры не имеет* (Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)).

Тот факт, что метафоризация существенно усиливает интерпретирующий характер высказывания в целом, представляется очевидным.

Заключение

Рассмотренная синтаксическая модель представляет собой регулярную реализацию СПП нерасчлененной структуры с неориентированной анафорической местоименной связью лишь на первый взгляд. Однозначное отнесение модели к какому-либо из стандартных таксонов структурно-се-

мантической классификации СПП невозможно, поскольку она имеет контаминированный характер, совмещая признаки обобщенно-уступительной и местоименно-соотносительной (отождествительной) конструкций. Более адекватна трактовка модели как экспрессивного средства интерпретирующего синтаксиса, развившегося на почве СПП, но оторвавшегося от нее и превратившегося фактически в модель простого предложения.

Модель имеет две разновидности: с операцией отождествления и с операцией установления соответствия. В первой разновидности элемент *то* имеет бесспорно местоименный характер, в то время как во второй этот характер ослаблен и тот же элемент ближе к частице. Обе разновидности обладают безусловным интерпретационным потенциалом, который опирается на гиперболизацию, обеспечиваемую обобщенно-уступительной составляющей конструкции. В разновидности с операцией установления соответствия интерпретирующий потенциал конструкции усиливается возможным наличием метонимического переноса, во второй – возможным наличием метафоризации. В целом конструкция представляет собой одно из ярких фразеологизированных средств интерпретирующего синтаксиса.

Список литературы

- Ардентов Б. П. «Что» в современном русском языке. Кишинев: Штиинца, 1973. 90 с.
- Кузнецова Р. Д. Исторические изменения в сложноподчиненном предложении: Учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. 88 с.
- Николаева Т. М. Пространство славянских партикул // Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: ЯСК, 2013. С. 161–183.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 712 с.
- Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.

References

- Ardentov B. P. “Chto” v sovremennom russkom yazyke [“Chto” in the contemporary Russian]. Kishinev, 1973, 90 p. (in Russ.)
- Kuznetsova R. D. Istoricheskie izmeneniya v slozhnopodchinennom predlozhenii [Historical changes in a complex sentence]. Kalinin, 1983, 88 p. (in Russ.)

Nikolaeva T. M. Prostranstvo slavyanskikh partikul [The space of slavic particles]. In: Nikolaeva T. M. Lingvistika. Izbrannoe [Linguistics. Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013, pp. 161–183. (in Russ.)

Steksova T. I., Shmeleva T. V. Russkoe iz'yasnitelnoe predlozhenie v diskursivnom prostranstve [Russian complex sentence with object clause in discursive space]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2022, 288 p. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Syntax, 712 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025
The article was submitted on 02.06.2025;
approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025*